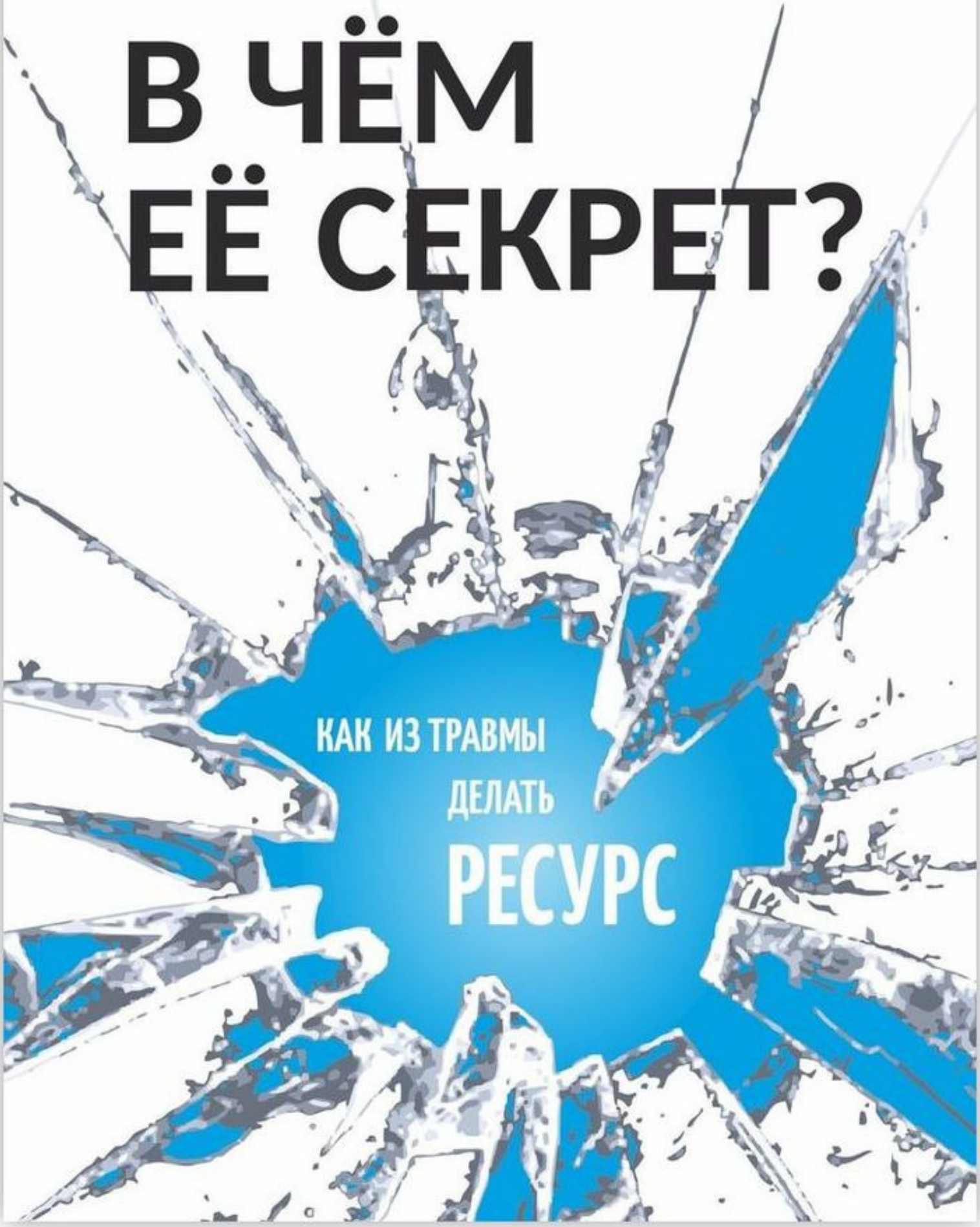
18+

Александра Гриднева

В ЧЁМ ЕЁ СЕКРЕТ?



КАК ИЗ ТРАВМЫ ДЕЛАТЬ РЕСУРС

Александра Гриднева

В чём её секрет? Как из травмы делать ресурс

«Издательские решения»

Гриднева А.

В чём её секрет? Как из травмы делать ресурс / А. Гриднева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-625638-5

Это одна из тех вдохновляющих историй, где героиня, пройдя через трудное детство, отказ от своей мечты, домашнее насилие, больничные коридоры, — смогла сохранить веру в себя и в людей, обретя в себе силы стать для многих маяком в житейских бурях. О чуде человеческой жизни и о том, как найти свой путь.

ISBN 978-5-00-625638-5

© Гриднева А.
© Издательские решения

Содержание

Часть I 6
Рождённые в СССР 6
Девочка или мальчик 9
Школьная пора 11
Жестокие игры детей 15
Луч солнца золотого 17
Часть II 21
Поворот не туда 21
Шанс 23
Свадьба 28
Служба 30
Быт 33
Конец ознакомительного фрагмента. 35

В чём её секрет? Как из травмы делать ресурс

Александра Гриднева

Редактор Зоя Константиновна Корниенко
Дизайнер обложки Екатерина Глейзер

© Александра Гриднева, 2024
© Екатерина Глейзер, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-0062-5638-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I

Рождённые в СССР

Дети не знают, норма то, что с ними происходит, или нет. Они учатся распознавать «хорошо» и «плохо», становясь старше.

Моя мама, Олеся, была шестым ребёнком в семье ветерана ВОВ. Семьи тогда были крепкие, к тому же расходиться было некуда. Жили все вместе в двухкомнатной квартире в центре Екатеринбурга. Была возможность увеличить жилплощадь с помощью льгот от государства, но дедушка, Фёдор Евстафьевич, дважды отказался от этого шанса в пользу молодых ребят, которые отслужили в Афгане.

Дедушка на войне был контужен. Бабушку взял замуж уже с дочкой. Жили как все – поразному. По словам мамы, он был образцовым отцом – работал на железнодорожной станции и обеспечивал быт шестерых детей.

Бабушку прозвали Комарихой за худобу и маленький рост (выпирала только грудь). Она была красавицей, пела в Уральском хоре и работала продавцом в магазине.

Под настойчивыми уговорами соседей Фёдор Евстафьевич стал выпивать. Нередко это заканчивалось дебошем – и тем, что бабушка забирала детей и убегала из дома на вокзал, где частенько они и ночевали. Только утром могли вернуться домой – когда дед уже спал мертвецким сном…

В семнадцать лет мама забеременела мной. Её родители были против: в те годы это был жуткий позор, клеймо на всю жизнь. Мать-одиночка! Нагуляла, принесла в подоле! Да и биологический отец ребёнка был не рад новостям, потому что отбывал на поселении срок за хулиганство.

Хотя тогда к нежданной беременности относились проще. Была масса способов создать условия для выкидыша: ноги погреть, шкафы подвигать и прочее. Но никакие силы не могли помешать мне родиться.

У мамы был молодой и сильный организм. Родилась я под апрельские трели. Мама, несмотря на все угрозы и уговоры, решила меня родить – пусть и без мужа. Назвала меня Мариной. Но в родах я подхватила инфекцию – и её, молодую девчонку, готовили к тому, что новорождённый не выживет. Больше месяца я лежала в инкубаторе для выхаживания младенцев.

Однажды врач принесла ей маленький свёрток, – из бурой стерильной пелёнки торчала только черноволосая головка – и сказала, что пришло время попрощаться. Лечение не помогало. Мама стала умолять врачей сделать хоть что-то ещё для спасения её дочки. Врач объяснила, что младенцу уже трижды переливали кровь. Оставался только один метод – переливание через темечко, но был риск, что ребёнок станет «овощем».

Второй раз столкнувшись с тяжелейшим выбором, мама дала согласие. Операция прошла успешно, и начался долгий путь выздоровления.

Не имея образования, мама могла зарабатывать только тяжёлым физическим трудом. Благо что тогда рабочим давали комнаты. Так мы и поселились в общежитии коридорного типа, в крохотной узкой комнате, переделанной из душевой.

Это было чудесное время. Олеся стала подмастерьем маляра, не боялась никакой работы, бралась за шабашки под приглядом старшей напарницы – Хабибы. Только бы поднять дочурку. Я помню запах краски, телогрейку, перепачканную в извёстке, и красивую, улыбающуюся во все тридцать два зуба маму.

Несколько лет мы жили одни. Мама иногда читала мне письма от моего отца из мест лишения свободы. Была надежда, что он помнит о нас и скоро мы будем все вместе. Вечером – скромный ужин, прогулка; на ночь мама пела колыбельные и ласково гладила по голове. Так пролетали года.

Папа не объявился. Когда я подросла и стала задавать вопросы о нём, мама начала придумывать для меня истории, что он – подводник на важном задании. Она всегда говорила о нём только хорошее, и я была уверена, что у человека с таким красивым почерком очень благородная душа.

В общежитии было много детей, которые гурьбой гуляли во дворе. Как-то раз Пашка на новеньком велосипеде катал девчонок у дома. Я тоже захотела прокатиться, но когда садилась на раму, подошла Алёнка, оттолкнула меня и надменно сказала: «Сейчас еду я». Расстроившись, я первым делом побежала искать справедливости у мамы. Та, не особо вникая в ситуацию, отрезала: «Будешь жаловаться – гулять не пущу». Мне пришлось вернуться во двор и грустно смотреть на довольную Алёнку.

Наша с ней история будет иметь долгое продолжение…

Мама часто оставляла меня в садике с Кларой Захаровной на продлёнку. Нас было всего трое, кого не забирали на выходные. Бывало, я оставалась там одна. Порой ночевала в садике и на неделе. За всеми во время вечерней прогулки приходили родители, и я с надеждой смотрела на тропинку, по которой они шли. До последней минуты надеялась, что мама тоже придёт, но её не было, и тогда воспитатель вела меня в группу. Я раздевалась и могла делать всё, что мне захочется. Брать любые игрушки, рисовать, помогать Кларе Захаровне накрывать ужин. Она частенько назначала меня старшей в группе, доверяя присмотреть за одногодками. Эта воспитательница была доброй, иногда брала меня к себе домой. После ужина мы учили с ней стихи для утренников.

(В дальнейшей жизни я со многими учителями была в таких особых отношениях, что моими сверстниками воспринималось как привилегия, – за это меня недолюбливали).

Я радовалась, когда мама стала сторожем в нашем садике «Чебурашка». Вечерами я бегала по залам, и мне нравилась эта свобода – ходить там, где днём запрещалось всем детям. Я знала все уголки, кладовки и комнатки, бывала на кухне, где работали повара, заходила в кабинет заведующей и слышала разные разговоры взрослых.

Иногда мама брала подработку, и мы вместе с ней красили детские веранды и песочницы. Бывало, что приходилось гонять хулиганов, которые устраивались на уютных площадках садика и пили самогон.

Порой я смотрела на свою уставшую маму, которая при каждой удобной возможности дремала, и мне становилось её очень жаль. Она, такая молодая, красивая, жизнерадостная, вынуждена таскать вёдра с извёсткой, лазить по козлам, общаться с грубыми сантехниками и плотниками. Как многие дети, я винила себя в её тяжёлой судьбе и одиночестве. Мне хотелось сделать для неё что-то очень хорошее, чтобы она наконец-то обрела свободу. Я думала, что если умру, то исправлю её ошибку, и она получит возможность пойти учиться. Дважды даже пыталась воплотить свой план, но мне помешали воспитатели. Кричали, дубасили, рассказывали маме, мы все плакали… Но я ведь хотела, как лучше.

Я была главной героиней утренников. Из-за тесного контакта с воспитателем мне давали длинные стихи, и вместе с моей первой любовью, Русланом, мы торжественно открывали все мероприятия. В садике наступил выпускной. Мамина сестра Люба, сшила мне наряд – белоснежное платье, и я чувствовала себя невестой. Тётя Люба на все праздники создавала для меня наряды. Для меня это было волшебство – и каждый раз я поражалась, как старые вещи обретали новую жизнь в её руках. Я очень гордилась своей тётей. Она работала заведующей в ателье по пошиву одежды и по выкройкам из модных журналов обшивала всю родню, включая нас с мамой.

Изредка тётя Люба брала меня к себе на работу. Я усаживалась на мягкий диван в холле и разглядывала красивых женщин на глянцевых страницвх. С тех пор мне в душу запал образ девушки в шляпе и перчатках, в элегантном пиджаке. Мне хотелось быть, как она – таинственной, красивой и деловой.

Девочка или мальчик

Мама никогда не говорила мне, что я красивая девочка, и вообще не подчеркивала мои особенности. Она часто отправляла меня в магазин, который был в подвале нашего дома – прозванный «Пятая лавка». Выдавала мне трёхлитровый бидон и стеклянную литровую банку. Отстояв очередь, я подходила к прилавку. Продавщица (с оранжевыми губами, голубыми тенями и в белом халате) с лёгким раздражением спрашивала:

– Чего тебе, мальчик?

– Я не мальчик, я девочка.

– А стрижка, как у мальчика, – и она забирала у меня бидон, протянув руку через прилавок.

Я приходила домой и жаловалась маме, что тётенька меня обидела. А мама отвечала: «Не обращай внимания». – «Ну как не обращать, если она при всех это сказала? Там и соседи были…» – ревела я. Мне было неловко, как будто меня поставили на видное место и все разглядывали, мальчик я или девочка.

Мне очень хотелось, чтобы у меня были длинные волосы, чтобы все сразу видели, кто я. Но мои просьбы разбивались о категоричное мамино: «Нет. Кто тебя будет заплетать, если я всё время на работе? Как лохудра в школу ходить нельзя». Несмотря на мои клятвы, что я научусь, я смогу и буду заплетать сама, мама была непреклонна.

Подливали масло в огонь мамины друзья, с которыми мы ездили на природу общей взросло-детской компанией. Среди детей я была единственной девочкой, а мама надевала на меня плавки, похожие на мальчуковые шорты. Грудь мне не закрывали, считая меня маленькой, хотя мне уже было восемь. И у меня была такая же короткая молодёжная стрижка, как у пацанов. Они и считали меня «своим парнем» – мне даже проще было с ними общаться.

Когда мы играли с мальчишками на берегу, одна мамина подруга крикнула: «Маринка, ты как пацан, ничем не отличишь!» И все засмеялись. Мне почему-то стало так стыдно, что я убежала, завернулась в одеяло и весь день сидела в кустах, только бы никто не заметил.

Вечером я опять умоляла маму разрешить мне отращивать волосы, но она как будто не слышала.

Когда в очередной раз она привела меня в дом быта на стрижку, я упиралась и не хотела садиться в кресло. Парикмахер сказала, что у них очередь и ей некогда со мной возиться. Тогда мама безжалостно силой меня усадила и на вопрос тётки с ножницами в руках: «Как стричь будем?» – ответила: «Молодёжную». Это прозвучало как приговор. Слёзы застилали мне глаза, а мама твердила: «Волосы не зубы – отрастут».

А мне хотелось иметь длинные волосы, как у неё.

***

Память выдаёт лишь какие-то обрывки воспоминаний. И для меня они окрашены теми эмоциями, которые я испытывала, будучи ребёнком. Я росла с горьким чувством вины за своё рождение. Я терпеливо принимала то, что есть, и не думала о большем, считая, что и этого для меня слишком много.

Мантра «денег нет» звучала каждый день. Я не смела говорить маме о своих желаниях. Однажды она увидела мои красные мозоли на пальцах ног и спросила таким тоном, как будто обвиняла: «Они что, тебе маленькие?» – указывая на туфли. Я смогла только покивать головой. «Боже, опять двадцать пять». Потом она дождалась зарплаты, и мы побежали в магазин детской обуви, где выбрали ботинки на вырост. Красивые туфельки тогда не всем были по кар-

ману и не везде их можно было достать. Зато на полках всегда стояли некрасивые и неудобные туфли, ботинки и сапоги. Мама оплачивала и говорила, что на год должно хватить.

Игрушек в то время тоже почти не было. Куклы, как я тогда верила, были жутко дорогими – «бесполезные расходы». Но у Сони, дочери тёти Любы, была необычайно изящная кукла в шёлковом индийском наряде – с коричневой точкой между бровей, чёрными длинными ресницами, тонкими розовыми губами. Её длинные волосы мы с двоюродной сестрой заплетали по очереди. Мне даже разрешалось её подержать. Мы меняли нашей Индианке образы – в любом она была хороша. Сестра была старше, и тётя Люба учила её шить наряды для куклы. Мы вместе играли в посудку и устраивали чайные церемонии. Милые, светлые воспоминания.

А ещё мама на мой день рождения делала манник с грецкими орехами, которые мне поручалось измельчить. Сверху обмазывала его шоколадной пастой, сваренной из какао. Я наблюдала за этим процессом и ждала, когда мама отдаст мне облизывать ложку. Вечером приходили мамины друзья и садились за стол, а мы с мальчишками играли в моём уголке.

На лето мама нередко отправляла меня к своей сестре Лилии. У неё был частный дом и огороды. Я любила жить в деревне и гулять с двоюродным братом, однако строгая тётя требовала от нас чистоты, порядка и послушания. Она не терпела, если мы пачкались – тем более что воду для нас надо было греть на огне, что хлопотно. Каждый раз, увидев, что я заляпала футболку, она ругалась: «Ты же девочка, как тебе не стыдно!» – а мне становилось так страшно, что хотелось убежать из дома. Но я могла только плакать.

Мне казалось, что брату от неё достаётся меньше, – то ли он более опрятен, то ли его просто почти не трогали – и потому я и здесь чувствовала себя чужой. При всех прелестях жизни в частном доме и свободе гулять допоздна я ощущала, что мне надо ходить по струнке, чтобы не вызвать гнев тёти, ведь брат – любимый ребёнок, а я обычный. Меня не баловали, не говорили ласковых нежных слов. Общение сводилось в основном к указаниям и поучениям. Я всегда считала, что если я ей не родная дочь, то одобрение должна заслужить послушанием, – но моих стараний было недостаточно, что бы я ни делала.

Школьная пора

Первое сентября. Новая жизнь, ребята в классе – в основном из моих соседей. Там была и Алёнка, с которой у нас давно возникла конкуренция.

Учиться мне нравилось, я была прилежной ученицей. В школу и обратно ходила самостоятельно с первых дней. Мне нравился запах свежеокрашенных классов, деревянных парт, нравилось, как мел скрипит по доске, протёртой сладкой водой.

Мне хотелось, чтобы мама мной гордилась и чтобы ей никогда не было стыдно за свою дочь. Однажды к нам в класс пришла женщина, тренер по плаванию, и предложила заниматься в спортивной школе. Я согласилась, и Алёнка тоже. Так мы оказались с ней в одной группе. Алёнка была выше и сильнее меня, у неё уже были подруги. А я не отличалась общительностью – мне было важнее помогать маме, делать уроки и домашние дела. Дружба тогда складывалась только во дворе, и для этого требовалось свободное время, которого у меня не хватало.

Уже тогда мы понимали различие статусов родителей. Хоть у всех была одинаковая форма – коричневое платье с белым пришитым воротником, фартук чёрный для будней, белый для праздников, – но качество воротничков, обуви, портфелей и канцелярии определялось благосостоянием семьи. Также отличалось отношение учителей к тем детям, чьи родители активнее участвовали в школьной жизни. Дети более обеспеченные, показывая своё превосходство, вели себя раскованно, а порой даже вызывающе. Им чаще прощали ошибки и меньше ставили дежурить по классу.

Моя мама, ещё очень юная, стеснялась ходить на школьные собрания – чувствовала себя неловко среди взрослых родителей, особенно тех, кто занимал руководящие посты на заводе. А она работала в ЖЭУ маляром и общалась только с рабочими.

В целом всё было неплохо – я училась, ходила на плавание. Была на хорошем счету у учителей. Сама делала уроки, помогала маме. Я рано научилась за собой ухаживать: разогревать еду, мыть полы и посуду к маминому приходу. До начала уроков домоводства я уже умела варить еду для нас с мамой (жарила картошку, стряпала шарлотку, варила куриный суп). Из школы возвращалась самостоятельно и открывала двери ключом, который висел на тесьме на шее.

Мама очень много трудилась, а вечерами дополнительно делала ремонты знакомым за символические деньги или еду. Нередко её обманывали и ничего не платили. Мама плакала от бессилия и снова шла к своей подруге тёте Рае – хозяйственной поварихе, занимать деньги. Тётя Рая была полной, круглолицей хохотушкой. У неё имелось что-то вкусненькое. Помимо денег она подкидывала нам продукты, которые приносила со столовой: консервы, остатки пищи – котлеты, макароны, овощи.

К тому времени маме дали комнату в коммуналке, по соседству с маминой сестрой Любой, и мы переехали в другой дом. Коммуналка, но после общежития она казалась шикарной: всего на три семьи туалет, кухня и ванна. У каждой комнаты свой позывной звонок в квартиру: один длинный к тёте Любе, два коротких к нам и три коротких к тёте Вале-скандалистке. У меня было ощущение, что она каких-то южных кровей. Обладала очень громким, звонким голосом и постоянно качала свои права. Тётя Валя была очень темпераментной и любила всё делать по-своему. Как все женщины, она искала своё счастье – в надежде найти отца сыну. Работала водителем троллейбуса в транспортном депо. Нередко приводила в коммуналку новых претендентов на её руку и сердце, в результате шумного веселья с алкоголем беременела, а претенденты на отцовство испарялись.

Быт в коммуналке был организован так, что за каждой хозяйкой числился свой угол на кухне, в ванне и туалете у каждой семьи был свой выключатель. Стирали и мылись по выход-

ным, распределяя время использования ванны между собой, потому что стиральных машинок не было – всё вручную. И каждой надо было искупать ребёнка к школе.

Вечерами с соседом, сыном тёти Вали Рубеном, в общем коридоре мы смотрели диафильмы на белой стене. Рубен был старше меня и читал мне подписи к каждому кадру. В принципе, жили дружно. Изредка бывали стычки: кто-то включил не свой выключатель или из раковины умыкнул не свою ложку и случались битвы за бельевую верёвку…

В окно было видно, что ребята собираются во дворе, и все выходили не договариваясь. Когда родители не отпускали гулять наших друзей, то мы все вместе шли к ним домой и хором канючили для них разрешение. Почти всегда успешно. Привычные детские развлечения: прыгать с гаражей в сугробы, играть в куча-мала с горки, в казаки-разбойники или «колечко-колечко, выйди на крылечко». С прогулки домой звали криком через форточку.

«Ученье – свет, а неученье – тьма»

Будучи ученицей начальной школы, я не любила читать, особенно из-под палки. Мама хотела, чтобы я не была как она, а тянулась к знаниям. Тогда было принято говорить: «Не хочешь – заставим, не можешь – научим», «Нет слова «не хочу» – есть слово «надо». Я очень хорошо уяснила эти лозунги. Моей высшей целью должно было стать стремление к знаниям, чтобы не повторить судьбу мамы.

В школе нам задали прочитать рассказ «Лампа Ильича». Я по наивности не придала ему значения, поскольку множество заковыристых слов погружало меня в сон. Не помню, с чего, но мама очень взбесилась, что я не выполнила задание, и со словами: «Пока не прочитаешь – не выпущу» заперла меня в кладовке, в которой мы хранили вещи. Скорее даже это был чулан, очень маленький, где тюками лежало тряпьё, а в углу на стене у двери горела та самая «лампа Ильича». Мама оставила меня наедине с тонкой книжкой. В очередной раз я попыталась начать чтение.

«Моя фамилия Дерьменко. Идёт она от барского самоуправства: будто бы предки мои в давнее время с голоду ели однажды барские тухлые харчи-дерьмо, оттуда и пошло Дерьменко.

Наше село Рогачёвка от города шестьдесят верст; расположение имеет вкось по реке Тамлыку, что втекает в другую речку Усмань…»

И снова на меня навалилась дрёма. Но яркий электрический свет бил прямо в глаза. Я тогда была смышлёным ребёнком и решила прикрыть лампочку маминой кофтой – помню, как она старательно её вязала чулочной вязкой. Кружевные тени на стенах создали какую-то сказочную атмосферу. Я подбила тюки с вещами и улеглась на них, а скучная книжка отправилась на полку ожидать, пока я отдохну и наберусь сил для следующего рывка. Уютная теснота и мягкий свет лампы через кофту убаюкивали. Я провалилась в мир грёз.

Проснулась я от того, что меня схватили за руку, стоял ужасный запах и почему-то было много дыма. Мама в испуге кричала и трясла меня, я спросонья не понимала, что происходит. Поняла только, что произошло нечто ужасное.

На единственной маминой тёплой кофте для работы зияла дыра. Шёл 1988 год, в стране был жуткий дефицит товаров, и не было возможности пойти и купить обновку. К тому же мы не вылезали из долгов… Мама продолжала возмущаться и махать перед кофтой лицом. В растерянности я беспомощно моргала мокрыми ресницами, чувствуя, себя вредителем.

***

Когда мне было лет семь, мама познакомилась с мужчиной и привела его в наш дом. Эта новость была как гром среди ясного неба. Наша идиллия завершилась – «Это дядя Саша, он будет с нами жить». В комнате переставили мебель, и мама отгородила мне часть комнаты шкафом. С одной стороны, у меня появился свой маленький уголок, где стояло кресло-кровать

и сервант с откидной крышкой для уроков, а с другой – я больше не могла без разрешения попасть на вторую половину комнаты, к тому же моя была у двери.

У дяди Саши был большой кадык, гусиная кожа, прозрачные голубые глаза и кудрявые волосы. Он мне не понравился, поэтому я замкнулась. К тому же этот человек перетягивал на себя мамино внимание, которого мне и так почти не доставалось. Он лапал мою маму, а она не то смеялась, не то вскрикивала. Но хуже всего, что они начали гнать самогон и выпивать. Времена талонов. Сахар, колбаса, масло и водка – по талонам. Если раньше водочные мама обменивала у рабочих на масло или колбасу, то теперь они менялись на сахар, который шёл в самогон.

Запах дрожжей в комнате, у батареи пятилитровая банка с непрозрачной жидкостью, а сверху перчатка, надутая газом. Выпивать они стали часто. К нам регулярно приходили гости. Было шумно, с песнями и танцами. Иногда тётя Люба забирала меня к себе в комнату, и я с радостью наблюдала, как она строчит на швейной машинке с ножной педалью. А к утру, как в сказке, появлялись новенькие изделия.

Однако дядя Саша привнёс к нам в жизнь и хорошее: знакомство с его мамой – бабой Аней, с которой они, кстати, были похожи внешне. Я, городская девочка, росла в одной из коробочек огромного миллионника в коммунальной трёшке на три семьи. Но иногда мы с мамой и дядей Сашей ездили в уральскую деревушку. Домик у дороги, окна первого этажа ниже уровня земли. Под окнами с голубенькими ставнями – палисадник с ноготками.

Чтобы попасть в дом, надо было пройти через крытый двор. Во дворе – чёрная бурёнка и сеновал, а пол по территории зашит широкой доской, потемневшей от времени и сырости. Полумрак, влага, эхо, запах сена и навоза, лязг железных затворов, фырчанье коровы, далёкие кукарекания петуха… Дальше за хлевом – выход в огород.

Маленькие дверцы вели в сенки, где на полочках плотно стояли банки и отстаивались сливки с молока. Все входили с наклоном головы, а я с трудом перелезала через высокий порог.

В хате – шторочки у дверей; справа – печь под лесенкой на второй этаж. А напротив печи, за шторкой – кровать, где спал дедушка Вася. У маленьких окошек в дальнем левом углу – стол под белой скатертью с ручным кружевом. А над ним икона с лампадкой. Стены покрашены известью. На подоконниках герань и фиалки в глиняных горшочках. На полу длинная половица ручной вязки из тряпочек.

Так всё скромно, но дорого и мило для души… Бабушка Аня, радостная, в ситцевом в цветочек платье и белом платке, обтирает руки о фартук и хлопочет по хозяйству, нам с дороги обед накрывает. А дедушка Вася самокрутку скрутил, надкусил два раза да загнул ступенькой. Потом в сухие губы, испещрённые морщинами, засунул, и зовёт дядю Сашу на лавку у ворот покурить. Они выходят.

Поджидая нас, баба Аня выносит угощение: пирожки из печи, котелок с картошкой в мундире да банку трёхлитровую с пряными маринованными огурцами. Двери открываются, и возвращаются мужики. Садятся есть. Деда Вася говорит: «Мать, ну ты нам дай по стаканчику-то», – а она ворчит: – «Им отдохнуть с дороги надо, а потом на огород. А ежели выпьете, то ничего не успеется». Дед настаивает, что пара стопочек – делу не помеха. Бабуся пропадает за шторкой напротив стола, и появляется с большим графином и двумя крохотными гранёными стаканчиками – «отметить приезд».

Потом баба Аня помогает мне забраться на печку. Под лесенкой ниша, а в ней постель из лоскутного одеяльца, а на стене ночник в виде цветка. Мама перед сном читала мне про каменный цветок и Хозяйку медной горы. Мне нравилась эта история о том, как Данила сделал невозможное и как таинственная женщина украла его в свои рудники.

И вот лежу я в этой тёплой норке. Тепло и треск дров в печи. Красный свет от ночника – словно сияние волшебных кристаллов, будто в чертогах Хозяйки. В избе раздаётся скрип поло-

виц, неспешный говор и смех. Потом разговоры стихают. Звон, дребезжание тазика, в который льётся вода; брякает носик рукомойника… И наступает тишина.

…Просыпаюсь от пряных запахов выпечки. Баба Аня встала засветло и уже стряпает блины. Будит меня, умывает под рукомойником за шторкой, где вчера мыла посуду, а потом сажает за стол под лампадкой. Из сенок приносит банку со свежими сливками. Я уплетаю с удовольствием эти маленькие, круглые, в дырочку блинчики. А после вместе с бабушкой иду в хлев – смотреть, как она доит корову. А потом в огород – потихоньку, «чтобы не разбудить молодых». Там росла ирга, что по весне радовала нежными бледно-розовыми цветочками, а сейчас – сладкими ягодами. Пряная земля, трава между грядками с росой, и солнышко в небе такое доброе и ласковое.

Не знаю, почему мне вспомнились эти дни гармонии и единства с природой… Так много в них было тепла, размеренности, порядка и счастья. Из таких мелочей оно и состоит.

Мне нравилось бывать у бабы Ани. Ездить с ними на сенокос ранним утром, перекапывать землю перед посадкой картошки, собирать урожай. Жить простой сельской жизнью с её укладом и ритмом. Несмотря на это, у сельской жизни был недостаток: любое доброе дело сопровождалось застольем и самогонкой. «Я свою меру знаю», – говорил дядя Саша. Но когда наступала его мера, он начинал распускать руки в сторону мамы. Мне было страшно видеть их скандалы, я не могла защитить маму, и меня душили слёзы бессилия. А она меня успокаивала: «Милые бранятся – только тешатся».

Мне было трудно это понять, и для себя я решила, что не потерплю к себе такого отношения.

Жестокие игры детей

С третьего класса у меня начались проблемы в школе. В классе стали появляться группы, одну из которых возглавила Алёнка. А я ни в одну из них не вписывалась, и потому мне пришлось несладко. Сейчас это называется буллингом, а тогда я просто пыталась противостоять нападкам одноклассников. Начиналось всё с обзывательств, потом пошли в ход мои вещи. Моим портфелем играли в футбол, а учитель усердно не замечала этого. Я была упёртой и молчала: мне не хотелось огорчать маму, к тому же с садика я знала, что ябедничать нехорошо. Я рассчитывала справиться сама.

Изо дня в день история повторялась. Алёнка, у которой образовалась своя свита, подговаривала парней, чтобы меня подкарауливали за школой. Однажды вечером меня окружили и не давали пройти, кто-то выхватил у меня портфель, и меня за капюшон куртки потащили на детскую площадку. Я сопротивлялась, пыталась вырваться, но они только громко смеялись, толкали меня, плевали на меня. В их глазах было превосходство и азарт – наверное, так смотрят дикие животные перед тем, как растерзать свою жертву… Они требовали «перестать выделываться» и стать их девочкой на побегушках – другой роли не предполагалось. Когда я отказалась и, глядя прямо в глаза, ответила, что не собираюсь им подчиняться, насилие продолжилось. Со словами «Да ты сейчас землю жрать будешь!» мне стали запихивать в рот куски почвы. Бесконечные ругательства, тычки, пинки и другие унижения… Я отбивалась, отворачивалась, но не могла это остановить – их было больше.

Когда я, зарёванная, с перепачканным лицом, вернулась домой в куртке с оторванными пуговицами, маме понадобились объяснения. Я сказала, что повздорила с одноклассниками. Она закричала на меня: «Что ты такого им сделала?» Грозилась, что пойдёт жаловаться в школу. А мне было страшно, что в глазах сверстников я стану стукачкой, и тогда они ещё сильнее будут меня ненавидеть, – и я убедила её, что учителя всё равно ни на что не влияют, за руку меня никто провожать не будет.

В итоге издевательства продолжались не один год. Я стала придумывать предлоги, чтобы задержаться в школе для дополнительных работ, на продлёнку. Иногда удавалось незаметно пробежать к дому обходной дорогой. Однажды, когда мне было не убежать, я повернулась к ним и предложила семечки, которые остались у меня в кармане. Мальчики не ожидали этого, но согласно протянули руку… Приняв от меня угощение, они уже не хотели драться, и мы даже вместе дошли до дома. Я очень радовалась, когда поняла, что могу откупиться от преследователей семечками.

Но травля была и в бассейне, где мы с Алёнкой и её свитой занимались в одной секции. Наши тренировки были очень интенсивными, потому что нас готовили в спортивный резерв. Алёнка всегда плыла первой, впереди колонны – так определялся ранжир по силе. Это подпитывало её чувство превосходства. Я же была четвёртой.

Тренер на каждом занятии клеила на тумбочку лист с заданием и напоминала, что нельзя останавливаться у бортика. Но когда она отлучалась, Алёнка делала что хотела, а потом врала, что задание выполнено. Вторая и третья девочки из колонны, её подружки, всегда были с ней заодно.

В тот день они втроём, как обычно в отсутствие тренера, выстроились у бортика вместо того, чтобы набирать дистанцию. И когда я, доплыв до них, оттолкнулась от стенки, идя на новый круг, меня схватили за ноги и стали топить. Я барахталась и боролась, очки налились моими слезами бессилия и обиды, и только тренер свистком прекратила неразбериху.

После этого я бросила плавание, несмотря на все уговоры Людмилы Степановны, которая возлагала на меня большие надежды и пророчила мне спортивные достижения. Она пришла ко мне домой и попросила объяснить причины ухода. Когда я рассказала ей о той ситуации,

она ответила: «Да не обращай ты на них внимания, ты же единственная в группе, кто плавает на спине». Но у меня не было желания снова столкнуться с тем, что я пережила, а перейти в команду старших не могла из-за недостаточной физической подготовки.

Алёнка не отставала от меня. Дошло до того, что после уроков я обнаружила в гардеробе свою шубу изрезанной в лоскутки. С вещами, повторюсь, тогда было очень тяжело, и эту шубу мне сшила тётя Люба из маминой. Я не помню, как дошла домой, но убытки от моего положения становились всё серьёзнее. Учителя сохраняли нейтралитет невмешательства.

Мама признавалась мне, что комплексует ещё и из-за дефекта речи, и ей стыдно идти в школу. Я возражала, что она хорошо говорит, но мама была непреклонна и советовала: «Они так себя ведут, а ты не обращай внимания. Пусть делают что хотят, будь выше этого». Я чувствовала себя в капкане. Мне казалось, что никто не способен мне помочь. Сердилась на отца, что он не приезжает и не защищает меня. Я росла, как гадкий утёнок, отвергнутый всеми…

Гнев и обида накопились во мне до предельной точки. То мне хотелось умереть самой, чтобы прекратить эти унижения, то я представляла, как буду убивать своих обидчиков. Но потом я вспоминала, что это ляжет клеймом позора на маму, и продолжала терпеть. Однако в очередной раз, когда во дворе одноклассник стал меня обзывать, не выдержала и метнула в него камнем. У него из головы пошла кровь. Я испугалась и убежала домой, спряталась в своём уголке и ждала, что придёт мама и скажет, что я убийца. Но этого не произошло. Просто он перестал меня дразнить. Так я узнала, что сила бывает более понятным языком для некоторых людей.

Следующей была близкая подруга Алёнки, которая постоянно приставала ко мне и говорила гадости, пинала меня и толкала. После очередных её нападок я развернулась и со всей силы толкнула её в ответ. Она потеряла равновесие и с размаху ударилась головой об асфальт. Меня прозвали ненормальной, но уже боялись в открытую доставать. Пакостили исподтишка (воровали тетрадки перед контрольной, мазали стул чернилами, приклеивали на спину бумажки с ругательствами, плевались). Так я отстояла себя. Мне даже нравилось быть неадекватной, потому что это делало меня неуязвимой и непредсказуемой в глазах малолетних тиранов.

Когда мне изрезали шубу снова, мама всё же пошла к директору школы. Но в этот день я тоже оказалась у директора – туда меня привела учительница математики, которая случайно чуть не получила моим портфелем по голове, когда я бросила его вдогонку однокласснику – тот весь урок играл им в футбол, разметав мои тетрадки по полу.

Длительный скрытый конфликт стал явным для администрации школы. Принято было считать, что это всё детские шалости, а тот, кого травят – ребёнок, у которого трудности с социализацией. К тому же становится очевидной разница сословий: хоть в наше время их уже не было, но родители, чей социальный статус выше, имеют большее влияние на директора и шанс на решение проблемы в свою пользу. Мама после всего снова сказала мне: «Отпусти и не помни зла. Никогда не опускайся до мести». Она мне твердила: «Дед войну прошёл и всегда повторял – как стояли на своём, так стоять и будем, – и ты никогда не сдавайся». Мне не хотелось подвести дедушку, и я, сквозь слёзы, держалась.

В общем, в ситуации должна была разобраться классный руководитель. Она предложила помочь со сменой класса. Я считала, что это не поможет, поскольку вся параллель в курсе происходящего. Тогда она успокоила меня, что будут набирать экспериментальный физико-математический класс со всех школ нашего района. Все ребята будут новенькие и в одинаковых условиях.

Я возразила, что мне не судьба оказаться среди вундеркиндов, потому что мои познания точных наук слабые. Надежда Александровна пообещала, что я сдам вступительный экзамен.

С переводом мои мучения и правда закончились, хотя мне и трудно было в это поверить.

Луч солнца золотого

Началась моя новая эпоха. У меня появились друзья. Я стала лучше учиться, мне доставляло огромное удовольствие изучение законов природы, физики и математики. Ребята были сильны не только в точных науках, но и в гуманитарных. Они глотали книжки, и у нас всегда были жаркие дебаты на уроках литературы, когда мы обсуждали качества различных героев. Тогда я поняла, что значит учиться с теми, кто сильнее тебя. Их уровень знаний и способностей был гораздо выше среднего по школе. Ребята были интеллектуальной элитой. Их родители были образованными и очень дорожили семейными ценностями. Организовывались походы на природу, прогулки на лыжах, дни рождения, на которые приглашали всех одноклассников. Чувствовался коллектив, и я поняла, что значит дружба. Узнала, как проверяются люди в походах. Со школьными подругами мы общаемся даже спустя тридцать лет после выпуска.

***

В этот период мама выгнала дядю Сашу, мы снова стали жить вдвоём. Это были самые счастливые три года. Мы много говорили по душам, смотрели вместе фильмы, ходили на каток, мама перестала выпивать. Для меня это время было бесценным. Мне хотелось делать всё по дому, только бы облегчить ей жизнь. Мама приобрела огород, и мы выращивали овощи на зиму – было совместное занятие, свой уголок земли, который мы возделывали как могли.

Потом мама получила квартиру от заводоуправления в новом доме. Чтобы её получить, вечерами она должна была делать отделку в этом доме без оплаты. Мы переехали из коммунальной квартиры. Первое время я так восхищалась – ванна только наша, на кухне можно сидеть сколько хочешь, и у нас есть большая комната и балкон! Простор, свобода, чистота и никаких скандалов.

Я с радостью наводила порядок, варила еду и ждала маму на обед. Подолгу бывала одна в квартире. Рисовала, читала книги, наблюдала в окно за облаками и тополем с большой листвой, занималась музыкой… Бросив бассейн, я сама прошла прослушивание в музыкальную школу на класс фортепиано. Написала заявление от имени мамы, и сообщила ей, когда меня приняли. Хотя ученики музыкалки всегда казались мне жалкими – любой обидит. Если бы не желание порадовать маму, я бы не стала туда поступать.

Неожиданно, но это стало для меня поддержкой на пять лет. Мне нравилось узнавать биографию музыкантов. Обожала уроки по специальности и сольфеджио. Музыка трогала струны моей души, и я часто плакала, слушая разные композиции. А хор позволял ощутить право своего голоса, и дирижёр не раз подчёркивала значение каждого в этом многоголосье… Что-то во мне стремилось к выражению. Мой преподаватель музыки, Милена Витальевна, стала для меня очень близким человеком. Я делилась с ней своими переживаниями, разными трудностями, и она всегда находила для меня слова и утешения.

Дома у нас появилось пианино «Ижевск». Это было очень статусно. Мама вообще с большим уважением относилась к моим увлечениям. Однажды она разрешила мне сделать галерею моих рисунков в комнате. Натюрморты и пейзажи заполнили целую стену, мы сидели на диване напротив и любовались… Для меня это было признанием моего творчества. Но после моя коллекция исчезла в кабинетах школы, потому что я отдала свои этюды для школьной выставки, – к сожалению, их так не вернули.

***

Однако ничто не длится вечно, и у мамы начался новый виток «А если это он?». Снова она представила мне мужчину – дядю Стёпу. Высокий, темноволосый, крепкий. Но я сразу почувствовала необъяснимое отторжение.

Он часто не работал и был пьян. Я сообщала маме о том, чем он занят, пока её нет, но ей казалось, что я просто наговариваю на него из подростковой ревности. Мы часто с ней ссорились из-за этого человека. Для меня было оскорбительно, что она ставит под сомнение мои слова. И я никак не могла понять: почему такая красивая, трудолюбивая и добрая женщина так низко себя ценит, приглашая в свою жизнь таких упырей? Неужели она совершенно не верит, что достойна лучшего?!

Находиться дома становилось невыносимо: там постоянно было это животное, которое мама звала Степашкой. Он клянчил у неё деньги, которые ей тяжело доставались, и куда-то уходил. Потом возвращался поздно ночью, тарабанил в двери и орал на весь подъезд. Моё сердце сжималось от страха, когда мама заботливо закрывала за собой двери в комнату и говорила «Спи, спи, доча», а потом я слышала, как он вваливается в квартиру, начинается вошкотня в прихожей, визги, маты… и долго горит свет на кухне, где идут разборки. Когда моё напряжение достигало предела, я набиралась смелости и шла туда, чтобы помочь маме, хоть как-то её спасти. Утром надо было в школу, но после таких ночей мне было жутко стыдно выходить даже в подъезд. Чудилось, будто все знают про наш позор и непременно тычут мне в спину пальцем. Мама замазывала синяки, одевалась в робу и снова отправлялась на смену, пока это чудовище отсыпалось.

Драки и скандалы возобновились в нашей квартире. Мы снова отдалились с мамой, стали реже разговаривать. После ссор я убегала из дома. Мне хотелось исчезнуть, потому что остановить череду насилия я не могла, а находиться в одном помещении с этим дебоширом для меня было пыткой. В своих фантазиях я надеялась, что со мной случится что-то жуткое, я попаду под машину или меня поймает маньяк, и мама поймёт, что дочь ей дороже, чем этот мужик. Но бегство от проблемы не давало ровным счётом ничего. Возвращаясь домой, я видела, что никто даже не заметил моего отсутствия.

Я уже перешла в старшие классы. И тогда стали появляться первые видеопрокаты – с гнусавым переводом «от Гоблина». Мы с подругой часто ходили на боевики с Брюсом Ли и Джеки Чаном. Смотря фильм, я представляла себя в главной роли и думала, как ловко могла бы расправиться с маминым обидчиком. Через некоторое время записалась в школу боевых искусств: было очевидно, что мне не хватает силы и навыков, чтобы победить Степана. Я решила стать орудием возмездия.

Целый год добросовестно ходила на тренировки. Наш тренер Олег два года изучал кунгфу в монастыре Шаолинь, он обучал нас искусству самообороны. Он говорил, что самый лучший бой – это бой, который не состоялся, что задача воина – сохранять самообладание в любой ситуации, а также повторял, что если ты испытал ненависть к врагу, то проиграл, так как находишься в его власти.

Сначала мне было непонятно, как стойки и движения, похожие на танцевальные (Ушу), могут помочь в ведении боя. Но лишних вопросов не задавала. Упорно выполняла отжимания с хлопком, балансировала на одной ноге, делала растяжки и качала пресс. Через несколько месяцев начались спарринги. Я училась терпеть боль и держать удар. Наш учитель нередко напоминал: «Не имеет значения, какой силы удар ты можешь нанести – куда важнее, какой силы удар ты можешь выдержать». Эта фраза потом нередко мне помогала.

Александр Евгеньевич Домбровский

(стихотворение приводится в авторской орфографии и пунктуации)

Держи по жизни спину прямо!
С холодной искоркой в глазах,
Шагай достойно и упрямо!
Забудь на миг о тормозах!

Пусть косо смотрят проходимцы
С поганой завистью в душе,
И жизни чопорной любимцы
Пусть представляют в неглиже…

Чихай на них! Не сомневайся!
Невежд, за нравы их, прости!
Но от мечты не отрекайся
И не сворачивай с пути!

Держи по жизни спину прямо!
Не унывай! Иди вперёд!
И – привередливая дама —
Твоя Мечта, тебя найдёт!

Мои тренировки были не напрасны. Я знала, что мне моя сила пригодится. В очередной раз, когда Степан накинулся на мать, я дала отпор. Хладнокровно, без эмоций вышвырнула его из квартиры, и мне стало намного легче – я ощутила, что могу противостоять ему. Спустившись, он принялся орать под окнами угрозы в мой адрес. Меня затрясло от избытка адреналина и гнева, который я сдерживала во время поединка. Я боялась своей силы. Но пришла и уверенность в ней.

Глядя на маму, я понимала, что так жить не хочу. И я помню, как мы с подругой обсуждали, что вот уж мы-то никогда не позволим, чтобы наши мужья нас били. Мы повторяли когда-то услышанное: «Если один раз руку поднял, то поднимет и снова. Надо сразу уходить». А мама только добавляла: «Ой, девки, не зарекайтесь».

Какие разные сценарии были перед глазами! Я видела семьи своих сверстников: есть мама и папа, дом – полная чаша, совместный досуг, чтение книг вечерами… И моя жизнь – полная страха, борьбы, стыда и боли.

Думала, что невозможно что-то исправить: родилась не в той семье, не в то время. Я никому не нужна, ведь мама много лет мне рассказывала, как тяжело ей дался выбор родить в семнадцать лет и что её страдания были во имя моей счастливой жизни. «Я всё отдала, ты не представляешь, чего мне стоило одной тебя растить. Но я никогда не жаловалась, тянула эту лямку, – только чтобы у тебя всё было хорошо», – периодически она рассказывала о своей жертве, и я чувствовала вину за своё неуместное рождение. Меня не покидало ощущение, что я в неоплатном долгу перед мамой и как можно скорее должна освободить её от бремени – необходимости меня содержать…

К старшим классам познакомилась с нашим новым школьным психологом – Аллой Викторовной. Меня поразила её история прихода в специальность. Она увлекалась астрологией и психологией, но поступление в институт ей никак не давалось, и она вынуждена была работать в разных местах в период подготовки к экзаменам. Так она познакомилась с разными профессиями и социальными слоями людей. Приёмную комиссию она взяла настойчивостью, и через шесть лет всё-таки поступила.

Она мне очень нравилась: приятная внешность и манера ласково говорить были мне симпатичны и грели душу. Большие глаза смотрели с любовью и вниманием. Я часто приходила к ней после уроков. Она рассказывала мне о возможностях психологии и о том, что каждый человек благодаря этим знаниям может себя исцелять. Я читала книги, которые она мне советовала, выполняла техники самоуспокоения в периоды сильного волнения – всё это очень помогало, и я постепенно прониклась к ней доверием.

Мне также очень нравилась физика и наш учитель Анна Леонидовна.

Я обожала лабораторные работы. Мы проводили опыты и открывали законы физики, искали неизвестные для составления формул. Это всегда было очень увлекательно. Самое важное из этих занятий – это задачи, которые мы решали каждый урок.

И у меня появилась привычка любую ситуацию, где есть неизвестные, называть не проблемой, а задачей. Задача – то, что обязательно имеет ответ, а также решение. Причём способов решения всегда несколько. Поиск ответа вызывал азарт, к тому же Анна Леонидовна приглашала нас к активному размышлению вслух, чтобы видеть ход наших мыслей. Это была питательная среда, в которой мы, обмениваясь идеями, учились мыслить смело и самостоятельно. Такие методы обучения были весьма необычными для школы тех лет. Преподаватель настолько отдавалась своему делу, что даже водила нас в походы, где показывала, как работают законы физики… А также законы дружбы, взаимопомощи и общения. Благодаря ей у нас также зародилась традиция создания школьных спектаклей.

Мне пригодились эти навыки в жизни: в каждой ситуации я ищу недостающий элемент, будь то знания, навыки, опыт, связи или деньги. Я готова к экспериментам в исследовательских целях и к поиску решений. Походы развивали смекалку и прививали любовь к природе, а театральные роли – умение видеть жизнь под разным углом.

С благодарностью вспоминаю эти годы.

Часть II

Поворот не туда

Хотя я училась в физмате, я была классическим гуманитарием. Писала стихи и рассказы, играла в театральных постановках с садика и выступала на конкурсах чтецов. На сцене я чувствовала себя как рыба в воде. Обожала смотреть телеспектакли и представлять себя в разных ролях. Театр был моим увлечением. «Хм, актриса! Что за профессия такая? Единицы становятся известными, будешь в местном ДК играть Бабку-Ёжку или сидеть в метро с детьми милостыню просить», – наперебой сыпали аргументами родственники, когда я озвучила свою мечту. «Нужно крепко стоять на ногах, нормальная профессия нужна – юрист, экономист, бухгалтер, а вот потом, когда будет на что жить, иди куда хочешь».

Мне не хватило смелости пойти за своей мечтой и восстать против страхов и убеждений родственников. В системе координат своей семьи я ощущала себя лишним и никчёмным элементом. Ведь именно отношение значимых людей к нашим желаниям, праву хотеть – формирует нашу уверенность в своей ценности.

Ещё пять лет сидеть на шее у мамы я не хотела, да и перспектива оставаться в квартире, куда приходил Степан, меня тоже не радовала. Поэтому вместо театрального я подала документы в Высшую школу милиции. Мой выбор был продиктован нуждой. Обещанное бесплатное юридическое образование и полный пансион: обмундирование, высокая стипендия, бесплатный проезд в общественном транспорте и бесплатные билеты в отпуск – перевесили желание учиться там, где хотелось. Деньги стали решающим фактором.

Поступление проходило с большим скрипом. Моё здоровье не вполне соответствовало требованиям медкомиссии, а перед вступительным экзаменом была очередная драка, и мама вытолкнула меня ночью из дома. Я ночевала у Анны Леонидовны, которая открыла мне двери и, увидев меня зарёванную, отпаивала успокоительным отваром. Утром я с трудом собралась и поехала на экзамен. И вместо того, чтобы зайти в первой пятёрке, как я обычно это делала, пошла в последней. Билет я знала и сразу села отвечать. Но в комиссии мне сказали: «Давайте вы придёте в следующем году, и мы примем вас без экзамена. Девушек уже набрали».

У меня не было сил даже возмущаться. Из аудитории я вышла с обречённостью смертника. Передо мной проплывали картины, как мама мне говорит, что я стану маляром. Как надо мной хохочут и презрительно тычут в меня пальцем одноклассники и учителя. Бегущей строкой шла фраза: «Ты никчёмное создание, чему ты только столько лет училась в школе?!» Мысленно я уже надевала на себя фуфайку, испачканную краской, и шла на работу вместе с мамой. Вокруг меня толкались слесари и плотники, ехидно усмехались. Моя фантазия расписывала, как на ломаном русском с матами мне рассказывают о стройке, а потом приглашать выпить водки, чтобы «снять усталость». Я представила горластую соседку тётю Валю – и боялась, что также, как она, буду жить в коммуналке с тремя детьми от разных мужчин.

Мне трудно передать всю горечь того момента, – я потеряла всякий смысл жить. Когда я вернулась домой после проваленного экзамена, дома уже никого не было, только звенящая тишина и погром после вчерашнего застолья. Мне не от кого было ждать доброго слова. Жгучие слёзы катились по моим щекам.

Так я просидела до темноты. Мама не пришла домой.

Ничто не длится вечно… Через несколько дней парень, который помогал мне подавать документы, сказал, что в сентябре будет набор в средне-специальную школу милиции в другом городе. По окончании можно будет перевестись в вышку. Это был мой шанс реабилити-

роваться – хотя бы в своих глазах. И я им воспользовалась. Жизнь встала на другие рельсы и унесла меня на север.

Сейчас я понимаю, что неудач не существует, есть знаки и сигналы пространства, которые проверяют силу нашего намерения.

Тогда я могла остаться дома – и вполне могло сложиться, что участвовала бы в театральных постановках нашего ДК и готовилась бы к поступлению в театральный. Могла действительно пойти работать с мамой маляром и, скорее всего, осталась бы на этом уровне с потерей сил и здоровья. Могла, могла, могла… Мы всегда делаем выбор, исходя из собственных знаний и возможностей. Каждый раз принимаем лучшее решение из тех, что для нас доступны. В голове звучала песня: «Позади крутой поворот, позади обманчивый лёд, позади…»

Сожаление о том, что я не выбрала жизнь актрисы, терзало меня недолго, но жажду творчески и разнообразно себя проявлять я всё равно реализовала в своей жизни. Позволяю себе проживать разные роли для разных статусов, смотреть на мир с разных ракурсов.

Воистину окружение влияет на наше отношение к себе. Формирует наши ценности и стремление к переменам. Но можно соглашаться на заданные условия, а можно принять руку помощи, получить знания и выйти из порочного круга. Мне в жизни везло на хороших людей, учителей, которые в нужное время были рядом и как ангелы-хранители сопровождали меня.

Много позже я поняла, какое значение для меня имели события, описанные в этой главе. Я благодарна тому, что видела разное качество жизни и однажды решила стремиться к лучшему. Я очень любила мечтать, и это, даже при недостатке информации и знаний, помогало создавать образы будущего, в котором мне хотелось быть.

Сегодня я верю, что причинённая мне боль подтолкнула меня к работе с психологом. Боль и желание найти ответ на вопрос – что со мной не так? Или со мной всё правильно, и просто нужно изменить отношение к жизни?

Тогда я была не готова идти в своих поисках до конца, и этот путь у меня растянулся на годы.

Шанс

Заняв денег у родителей своего одноклассника, я поехала поступать в средне-специальную школу. (На два года маршрут электрички между двумя городами станет мне родным). Приехала я вечером, и КПП был закрыт. Я не знала, где мне переночевать, и осталась в парке на лавочке. Рано утром пришла к воротам.

Вступительные я сдала успешно, а вот новость, что девушки не будут жить в казарме, снова заставила нервничать. На мою удачу, в электричке мы познакомились с Наташей из моего города, которая ехала туда же. Мы с ней решили держаться вместе. В первый же день преподаватель сдал нам в аренду свою квартиру в самом дальнем от школы районе. Родители Наташи оплатили нам проживание и оставили продуктов на первое время. Я обещала вернуть свой долг со стипендии.

Помимо экзаменов нас ждали испытания от ротных. Мне только предстояло понять, куда же я так стремилась попасть. Когда уже зачитали приказ о зачислении, нас построили на плацу, и заместитель курса взял слово. Как в лучших армейских традициях, речь была ёмкой и образной. Об эмоциональности момента свидетельствовали обрывки мата, которые до нас доносились. Суть эпоса заключалась в том, что факт нашего зачисления ничего не значит. Нам предстоит пройти проверку на готовность преодолевать все тяготы службы. И сейчас по команде мы побежим на четвёртый этаж, там получим средства индивидуальной защиты – жилеты, каски, щиты и противогазы, – которые должны на себя надеть, и также по команде спуститься вниз для построения. И всё по секундомеру. Это длилось больше часа, и после каждого круга начальник курса предлагал покинуть строй всем «слабакам». И таких было несколько человек. Я тоже готова была сдаться, но нежелание вернуться домой было сильнее любых нагрузок.

Первым делом началась строевая подготовка. Я до дыр сбила подошву своих сапог, ноги гудели, руки и уши мёрзли, мы крепче прижимались плечом к соседу, чтобы под холодную шинель не задувал осенний леденящий ветер.

В строю есть особая энергия единства и слияния – ты часть чего-то большого и мощного. Я познала, как групповые речёвки помогают разогнать усталость. В отряде ты опираешься на голос товарища и стремишься поддержать его своим: «Левой, левой, раз, два, три…» – ритм не позволяет тебе раскисать.

На нашем курсе было всего шестнадцать девчонок на пять взводов. По понятным причинам нам запрещали жить в казарме. Наши предшественницы к концу первого курса почти все были беременные, и руководство школы приняло меры к предотвращению подобного. Мы стали первыми, кто должен был жить за пределами территории казармы и приезжать в школу каждый день.

Учебная атмосфера мне в целом нравилась. Чёткий порядок, занятия, построения утренние и вечерние, наряды, униформа. В этом чувствовался определённый драйв. Преподаватели – все действующие офицеры, которые не по книжкам знают милицейские будни. Мне было чертовски интересно. Пригодились и мои навыки боевых искусств, и терпение. По соседству с нашей школой за забором было исправительное учреждение. Вообще на территории города было рекордное количество колоний. На уроках по оперативно-розыскной деятельности преподаватель травил байки из милицейских будней. Это было увлекательно. Основной посыл, что если ты хочешь поймать преступника – думай как преступник… А чтобы разговаривать с ними на одном языке, я приобрела брошюру с жаргонизмами и схемами татуировок. Нательная живопись бывает красноречивее самого человека и указывает на его статус в иерархии преступного мира.

После зачисления мы с Наташей заселились в ту арендованную квартиру. Наш день начинался в пять утра и заканчивался ближе к полуночи. Мы обе были настроены успешно окончить учёбу. К ней периодически приезжал её парень, Стас, – ОМОНовец, с которым она познакомились ещё дома. Внешне Наталья напоминала балерину. Темноволосая, с восточными серыми глазами, пышными ресницами, с идеальной фигурой. Стас её сильно ревновал, и однажды впал в бешенство. Он как дикий зверь хватал её за халат и орал что-то в лицо. Мне стало за неё страшно, но восхищало спокойствие и достоинство, с которыми она держалась. В итоге мы вдвоём вытолкнули его за порог.

Через несколько месяцев мы вошли в привычный ритм жизни. Утренняя пробежка, дорога в школу, построение, пары, потом построение перед обедом. Парни шли в столовую, а нас на довольствие не ставили, и мы бегали на рынок, если были деньги. Иногда за весь день я могла съесть большое зелёное яблоко и выпить кружку чая утром. Пару раз за время курсантской жизни я теряла сознание – был голодный обморок. Даже пожертвовав мечтой, чтобы вырваться из бедности, в итоге я пришла к тому же самому, только хуже – теперь у меня не было своего дома. Но когда нам стали выдавать стипендию, я ощутила свою самостоятельность и независимость: денег хватало и на оплату квартиры, и на помощь маме. Правда, ради этой помощи я нередко отказывалась от каких-то нужных для себя вещей. Хотя сама мама пока ни о чём меня не просила.

Как в любом учебном заведении, у нас была своя творческая жизнь. Меня назначили редактором «Боевого листка» – стенгазеты, где мы писали новости курса, украшая их рисунками по темам курсантской жизни. Также у нас была театральная группа и Клуб весёлых и находчивых. С девочкой-первокурсницей, которую звали так же, как меня, мы организовали дуэт и пели на торжественных мероприятиях. Песни «Под музыку Вивальди» и «Александра, Александра…» врезались мне глубоко в память. Везде моё творческое начало находило возможность проявиться. Нередко мне говорили: «И как тебя сюда занесло? Тебе бы актрисой или моделью быть…»

К концу первого года у каждой девчонки были свои поклонники. Один курсант стал оказывать мне знаки внимания. Помогал в нарядах, встречал и провожал, сделал табуретки нам в квартиру, дарил шоколадки. Хотя я не воспринимала это как романтические ухаживания, тем более что вслух он никогда не озвучивал своих намерений.

Были и странные эпизоды, которым я не придавала значения, списывая их на чрезмерную ответственность своего друга. Например, Витя мог разбудить меня посреди ночи, требуя, чтобы я помыла и почистила обувь. Он решил, что это моя обязанность. Настаивал, чтобы я всегда ждала его дома и никуда не выходила, но при этом не сообщал, когда придёт, и мог вообще не прийти – мол, не отпустили из казармы. Также он ограничивал моё общение с некоторыми однокурсницами. Не избалованная вниманием, я считала это заботой.

Когда шла выдача требований на оплату проезда в отпуск, он в шутку предложил мне приехать к нему на север, а я в шутку согласилась.

И, как поёт Игорь Корнилов:

«И со всей страны огромной
Люди разные сюда
Приезжают на полгода —
Остаются навсегда!

На холодном Ямале,
На Полярном Урале
Если вы не бывали —
Приезжайте скорей.

Вы не бойтесь метелей,
Вас в морозы согреют
Очень тёплые души
Северных людей!»

Приехала я туда в августе – золотая пора в тундре. Ехали вместе с его другом Максимом. Юность – удивительное время, когда можно без лишних условностей общаться и встречаться… Мы познакомились с родителями Вити, посмотрели город – точнее, городок. После каменного миллионника маленький город с дощатыми тротуарами и мостовыми был для меня деревней советских времён.

Витя старался показать все преимущества жизни на севере, и пригласил нас покататься на лодке. Да не с вёслами, а с мотором… Мне это было в новизну.

Рано утром человек восемь собрались на берегу реки. Одну лодку спускали на воду. Она была на телеге, прицепленной к УАЗику. Водитель развернулся, и телега начала заезжать в реку, пока дно лодки не оказалось на воде. Вторая уже стояла на приколе. Парни ловко покидали внутрь какие-то вещи и канистры. Я наблюдала, как слаженно они действуют.

Когда всё было готово, Витя предложил мне забраться в лодку. Я чувствовала неловкость, потому что была единственной девушкой в компании. И первый раз в жизни сидела в моторке.

По водной глади мы помчались в сторону горизонта. Протоки то сужались, то расширялись, мы то заезжали в траву и уклонялись от кустарника, то неслись по речному простору, подставляя лицо ветру. Целью нашего путешествия был остров далеко от города. Ребята разбили лагерь. Треск костра, небольшие деревца… Мы жарили хлеб на огне и кипятили чай. Угощение с дымком – самое вкусное, особенно когда продрог и проголодался.

Вечерней забавой у парней были гонки на лодках. То ли для хвастовства, то ли чтобы выяснить, кто самый крепкий, они устроили что-то вроде поединков. Направляли лодки навстречу друг другу – кто свернёт первым, тот и слабак. Было интересно наблюдать за разной скоростью реакции, но закончилось всё столкновением и устранением последствий. Один выпал в реку, и его все вместе доставали…

Наступила ночь. Я почти не спала: непонятно где, с практически чужими нетрезвыми людьми, к тому же противоположного пола. Даже присутствие однокурсников ничего не меняло. Я замёрзла – на воде стало холодно, а я не одета для ночёвки. Но продержалась до утра, а рано утром мы начали собираться в город.

Когда погрузились на борт, выяснилось, что моторы неисправны. А город даже не виден на горизонте. Пришлось выбираться на вёслах. Было и смешно, и страшно, что мы вообще не доберёмся. Запас еды у нас тоже отсутствовал, поскольку планировался выезд на один день, без ночёвки. Почти весь день мы гребли, но причал так и не показался.

К нам подъехала другая моторка – её водитель был отцом одного из парней. Ругнулся матом, когда узнал, что мотор сломан, и на буксир брать не стал. А я постеснялась попроситься к нему в лодку и уехать до города – точнее, даже не успела сообразить.

Мужчина спросил: «Соль есть?» – и парни почти хором ответили: «Есть». Тогда он бросил в лодку живую рыбину. Та ещё била хвостом, жадно открывала рот и смотрела выпученными глазами. Парни почему-то обрадовались, а Витя тут же вспорол ей брюхо и, выкинув кишки за борт, засыпал внутренности трупика солью.

– Через пять минут будем есть.

– Что есть? – в недоумении спросила я.

– Малосол, «пятиминутку».

– Я не буду есть сырую рыбу, – сказала я. Мне было дико, что они реально готовы есть сырое мясо, – хоть я и не была вегетарианкой, но это было как-то уже за гранью.

– Голод не тётка, до города далеко.

Я не смогла перебороть своё отвращение и не поддалась на их уговоры. Пребывание в лодке было уже невыносимо, я хотела в тепло и горячего чаю, а полоска городских огней показалась только к вечеру….

Сделала вывод, что такие развлечения не для меня, – но ирония будет заключаться в том, что потом это станет моей жизнью.

После отпуска Витя начал везде за мной ходить, а потом внезапно признался в чувствах и сделал предложение. Мне показалось, что история развивается вполне логично, и я согласилась. Мы зарегистрировали брак во время учёбы на втором курсе (выпускном в среднеспециальной школе милиции), чтобы оба получили распределение на север. Для регистрации выбрали будний день – среду: в честь бракосочетания нам полагалось три дня по семейным обстоятельствам дополнительно к выходным. Так мы получили мини-отпуск.

Мы решили не устраивать традиционную свадьбу с фатой и цыганами, расписались скромно, в присутствии двух свидетелей – наших однокурсников, Тони и Вадима. Пришли в кабинет заведующей ЗАГСа, она подала нам чистый лист бумаги, показала, где поставить подписи.

– А свидетелям надо расписываться? – уточнила я.

– Нет, это не предусмотрено. Кольца-то у вас есть? – будто опомнившись, спросила заведующая.

– Да, – Витя мигнул другу, чтобы тот достал бархатную коробочку.

– Ну так доставайте.

Мы обменялись кольцами.

– Объявляю вас мужем и женой. За свидетельством придёте на следующей неделе.

Мы даже не успели ничего понять. Вышли из кабинета и возмущались: «И это всё?»

Вот так началась моя семейная жизнь. Сразу после ЗАГСа мы со свидетелями пришли в съёмную двухкомнатную квартиру, куда я за время учёбы успела переселиться (поближе к школе), где жил ещё один курсант – Саня. Он постоянно ездил на соревнования, и ему, в отличие от других курсантов-парней, разрешалось жить не в казарме. Тоня и Вадим поздравили нас, вручили символические подарки, какие могли приобрести курсанты в те времена. Была первая фотосессия на фоне штор из халата и цветных упаковок конфет на стене.

После мы поехали в Екатеринбург. Мама не знала о том, что я вышла замуж. У неё был шок. Она начала суетиться, причитать, что нужно собрать родственников и гостей.

– Зачем? – спросила я.

– А как же? Ты же замуж вышла, надо по-людски, а то потом обидятся, что мы их не позвали.

Она хотела бежать к знакомым занимать деньги на застолье, но я резко её остановила. Я не желала давать повод для очередной пьянки.

– Мама, в трудные времена никто про нас не вспоминал, поэтому и сейчас не надо. Это праздник для двоих, и мы не будем никого звать.

В глубине души мне было стыдно: что обо мне подумает Витя, если увидит, на что способны мои родственники, когда выпьют? Свадьба – дело дорогое и хлопотное для всех сторон. Мне не хотелось никого затруднять подготовкой к празднику и лишними расходами. Да и как ни старайся угодить гостям, всё равно будут недовольные. К тому же я не привыкла, чтобы меня поздравляли и я была в центре внимания. А начинать семейную жизнь с долгов ради сомнительных почестей считала неприемлемым. Своим решением я поразила многих из своего окружения, однако с моим отъездом это забылось. Быстро.

После окончания школы милиции нам с Витей дали распределение в район Крайнего севера – на край земли.

На вокзале у вагона мама дала мне напутствие: «Ты невестка – невесть откуда, а свекровь – всем кров даёт. Гонор свой не показывай, слушайся её. Знаешь ведь, что со своим уставом в чужой монастырь не ходят». Я только кивнула, потому что горло перехватило и у меня выступили слёзы. Я не знала, через сколько мы сможем встретиться. Мне было нелегко оставить маму наедине со Степаном, который продолжал приходить к ней пьяным и трепать ей нервы. Я боялась оставить её без защиты, хотя бы моей.

Выходя замуж, я решила, что буду хорошей женой и в горе, и радости. Мне очень нравились слова из романса: «Так и надо идти, не страшась судьбы, не гадая, в ад или в рай…» И для меня это было почти гимном. Витя не хотел оставаться на моей родине, тянуло его на свою землю. «Где родился, там и пригодился», – постоянно повторял он.

Суровый регион, где когда-то строилась железная дорога на костях ссыльных политических заключённых, совсем не казался раем для молодожёнов. Я очень волновалась. Теперь я ехала в заснеженный город в статусе жены, а не просто гостьи. Всю дорогу представляла, как произойдёт наша встреча со свекровью. Думала, как скажу: «Здравствуйте, мама».

Но всё случилось иначе. Она заявила мне с порога: «Проходите давайте, мамой меня называть не надо. Мама у тебя одна». Я испытала облегчение, но при этом поняла, что дистанция наша сохранится и рассчитывать на её материнскую поддержку и женскую солидарность мне не стоит. Возражать я не решилась, но слегка растерялась. Звала я её по имени-отчеству – Лариса Павловна.

Свадьба

Хотя мы уже были мужем и женой, свекровь захотела провести свадьбу как положено. Надо было объявить большой родне, что её старший сын женился. Да и меня следовало узаконить в их кругу и представить родственникам. По совету мамы я на всё соглашалась. Я ещё много лет ощущала себя в гостях у этих людей.

Меня не покидало ощущение, что все пришли посмотреть, кого же Витя привёз, – словно в их городе таких не водится. Лариса Павловна устроила свадьбу по всем традициям: платье, застолье, тамада и подарки. В северном городке с плохим снабжением она раздобыла мне белое платье у знакомой продавщицы. Мне было неловко принимать этот подарок – к тому же, по сути, он не требовался. Я хотела быть в белой блузке и юбке, в которой ходила в ЗАГС, но свекровь припозорила меня:

– Ты что, в этом собираешься идти?

– Ну да, мне же Витя эту блузку подарил.

– Нет, это никуда не годится. Что люди скажут?! Надо что-то приличное. Свадьба всё-таки.

– Но у меня нет денег, – оправдывалась я.

– Ничего страшного. Я у знакомой в магазине возьму, а потом вернём.

Она принесла белое шифоновое прозрачное платье, похожее на облако. Прозрачная юбка клиньями. Когда я его надела, то поняла, что буду выглядеть как голый король из сказки. Я так и слышала, как все будут шептаться: «Витя женился на шлюхе, которая ходит полуголая».

– Всяко лучше, чем в твоей блузке! И где я теперь тебе другое найду?

Мои возражения для неё ничего не значили. Она уже всё решила. Она была главной в семье… всегда.

Свои длинные волосы на ночь я накрутила на бигуди, как обычно делала на праздники. Утром сама уложила причёску, и кто-то из гостей даже поинтересовался, где я делала укладку – многие изумились, как мне так удалось без чьей-то помощи.

Из косметики у меня была только помада.

Надев свадебный наряд, я долго не выходила из комнаты, от стыда и неловкости спрятавшись за кроватью. Меня переполняли противоречивые чувства, и я с трудом сдерживала слёзы.

Застолье накрыли в одной из комнат, поставив по периметру парты и стулья – их принесли из соседней школы. Находиться под пристальным вниманием множества незнакомых людей было невыносимо, но мне пришлось через это пройти. Того требовал обычай. Меня хотели обнять, поцеловать, поговорить со мной, – а мне было жутко, и почти всех я видела в первый раз.

Во время праздника меня кто-то потащил за ногу под стол, и я почувствовала, как рвётся платье, зацепившись за гвоздь, торчавший из стула. Я смотрела на гостей напротив и не могла понять, что происходит. Никто не подавал вида. Что-то потянуло меня ещё сильнее, и я вскрикнула. И тут из-под стола выпрыгнул один из родственников с моей туфлёй. Он торжественно закричал, что теперь свидетель должен её выкупить. Все засмеялись. А я не знала, что есть такая традиция, и расплакалась – из-за порванного платья, дурацкой традиции и от испуга, что меня так грубо тащили за ногу. Родственник просто не знал, что я буду в босоножках с лямками, которые не так-то просто стянуть.

Потом были танцы в подъезде… Меня успели «украсть» и спрятать у соседки, что для меня тоже было неожиданностью. Муж получил затрещины от свояков, пытаясь меня вернуть. Казалось, это не кончится никогда.

Нам подарили много полезного для начала семейной жизни – холодильник, чайник, утюг, вилки-ложки и тёплые вещи, а также деньги. Свекровь гордилась, что все так постарались для молодожёнов.

Потом мы с ней до глубокой ночи прибирались в квартире, а на утро был второй день свадьбы. Всех пригласили на чай, чтобы продать торт по кусочкам. Не знаю, кто придумывал эти правила, но получилась солидная сумма. (По тем временам хватило бы на целую стиралку). Свекровь сказала, чтобы мы не тратили, а отложили на что-нибудь нужное или на отпуск. И мы послушались.

Жили мы с родителями Вити в трёхкомнатной квартире. В другой комнате – младший брат Вити, Марат. Следуя маминым наставлениям, я всеми силами пыталась не нарушать привычный порядок вещей в доме свекрови. Перешагнув порог её жилища, мы с мужем словно перестали считаться взрослыми – здесь мы были детьми, которые обязаны подчиняться авторитету родителей. И она всячески подчёркивала свою власть, практически не позволяя нам ничего решать и делать самостоятельно.

Спасала меня тогда только работа.

Служба

Много времени мы проводили на службе.

Нас сразу назначили на должности дознавателей, потому что работать было некому. Перед нашим приездом семейная пара из отдела дознания перевелась в другой город. Нашей подготовки было достаточно для практической деятельности.

И в девятнадцать лет я стала офицером. Служить честью и совестью во имя блага народа. Офицер должен быть эталоном порядочности и образцом для подражания – так меня учили в школе милиции, а может, я сама так думала. «Чекист должен иметь горячее сердце, холодную голову и чистые руки», – лозунг Ф. Э. Дзержинского, который висел на стенах нашей школы.

Помню, в первые месяцы службы я отпустила преступника, который изрезал ножом соседа по комнате в общежитии. Подозреваемый жалобно умолял меня дать ему собрать вещи для изолятора. Я по наивности проводила его на автобусную остановку и ждала его возвращения через два часа. Но он, разумеется, не вернулся. Мне пришлось признаться руководству и получить взыскание. Так я перестала верить людям, а превратилась в требовательного и злого дознавателя. При расследовании я всегда выбирала меру пресечения – арест, если для этого имелись хоть малейшие основания.

У нас часто были рейды по задержанию подозреваемых или выявлению лиц, склонных к совершению преступления. «Отсутствие у вас судимости – это не ваша заслуга, а наша недоработка», – смеялись в стенах отдела. Каждый день я видела насилие, убийства, кражи. В определённый момент эмоциональные переживания притупились. У меня уже не вызывали сочувствия женщины, избитые на пьяных посиделках. Нередко они ничего не помнили о предыдущем дне, а потом, когда долгими расспросами удавалось установить личность «кухонного бойца», в последний момент отказывались от своих претензий.

С этим сюжетом я была знакома и ранее, и видела, что этим женщинам всегда быть битыми или убитыми. Есть такой состав преступления, как угроза убийства. Иногда женщины ради того, чтобы припугнуть сожителя, писали заявление по этой статье. Некоторые регулярно, чем способствовали тому, что их обращения со временем игнорировались. И нередко случалось, что сожитель, не рассчитав силу, в самом деле убивал такую жену.

Огромный вал материалов был по домашнему насилию. У меня складывалось впечатление, что идёт «народная война»: бьют жена мужа, муж жену, брат брата, родители детей. Заявляют единицы. В день – десятки допросов по фактам избиений, детальных описаний мест нанесения ударов, изучения обстоятельств, предшествовавших конфликту. Протокольная форма допроса не могла передать глубину эмоциональной и физической боли. Я видела, что это стало для многих нормой, и они воспринимают это как должное, не веря, что можно жить по-другому. Люди давали показания так, будто они тряпичные куклы, – ни охов, ни вздохов, ни возмущений.

Моей задачей было скрупулёзно зафиксировать следы побоев, время и способ их нанесения, – таков порядок фиксации признаков состава преступления. Человек ко всему привыкает. Каждый день одни и те же повороты, которые уже не не трогали моего сердца, а местами даже раздражали. Человеческая глупость и шаблоны поведения разочаровывали.

Ещё одна распространённая категория дел – по злостным неплательщикам алиментов. Эти товарищи увольнялись с работы и подавались в бега, только бы избежать материальной ответственности за собственных близких. Жалкое зрелище, когда мужчина даже ценой ухудшения качества своей жизни стремится уменьшить сумму алиментов. Таких с каждым годом в стране становилось всё больше, и в УК РФ внесли изменения: ввели признак злостности, то есть нерадивый должник должен быть сначала неоднократно привлечён к административной ответственности, а лишь потом к уголовной. Это затруднило для женщин возможность отсто-

ять свои права и права своих детей. Вероятно, в каком-нибудь НИИ просчитали, что иначе такими темпами у нас вся страна будет из уголовников. Тогда мне в голову не могло прийти, что я могу оказаться на месте кого-то из потерпевших…

Я представляла себе жизнь милиционера, как в фильме «Место встречи изменить нельзя», где главные герои внедрялись в преступную среду и распутывали длинные цепочки преступлений. А по факту я занималась преступлениями небольшой тяжести, – бытовым насилием, мелкими кражами, злостным уклонением от алиментов. То, от чего я хотела сбежать, являлось передо мной с разных ракурсов в повседневной жизни.

Отношения с Витей стали напряжённее. Мы редко общались, хоть спали в одной кровати и работали в одном здании. Суточные дежурства и рейды не давали нам возможности видеться. К тому же я никогда не жила на чужой территории и не знала, как стать там своей.

В первые недели брака я испытала потрясение – муж пошёл к друзьям, а вернулся только утром. Тогда не было мобильных телефонов. В городе у меня не было знакомых, да и в свой круг друзей муж не спешил меня вводить. Вдобавок мне было стыдно объявить об этой ситуации: ведь мы офицеры – значит, должны быть эталоном семьи, – так я считала. И не смела поднять шум, когда Витя утром на цыпочках вошёл в комнату. Мы долго смотрели молча друг на друга, и по его глазам я поняла – ему есть что скрывать. Объяснять он ничего не стал. Так началась череда поступков, которые показали мне совсем другую семейную жизнь.

Пришла на ум мамина присказка: «Пока просят – жнут и косят… А когда получат, то ты и не нужен». Теперь я думаю, что была довольно выгодной партией: не пила, не курила, не изменяла, рукастая, хорошо училась и без сомнений шла за ним, соглашаясь на любые его идеи. И верила, что для него это имеет значение. Но мои надежды, что у нас всегда будет понимание и взаимная поддержка, постепенно начали рушиться.

Также я узнала, что в семье Вити разногласия и проблемы замалчивались. Просто начиналась тягостная и мучительная игра в молчанку с лицом, преисполненным достоинства. На мои вопросы – «Что не так? Что произошло?» – всегда был один ответ: «Ничего, с чего ты взяла?» Было мучением терпеть эти немые упрёки. Я не раз вспомнила добрым словом наши с мамой скандалы, когда мы в сердцах могли наорать друг на друга, высказать всё, а потом реветь и, успокоившись, до ночи говорить по душам.

К сожалению, мама была далеко, и я не могла поделиться с ней тем, что меня держат в эмоциональной тюрьме. Редкие созвоны по стационарному домашнему телефону, который висел в прихожей, не позволяли мне высказать всё, что накипело. Вся семья слушала.

Постепенно я знакомилась с особенностями быта на севере. Для меня, городской девушки, было откровением, что в северных широтах не все дома с туалетами. У многих двухэтажек размещались уличные деревянные сортиры. Питьевую воду привозили спецтехникой и заливали в бочки, которые стояли в коридорах. В каждой квартире был деревянный ларь для запаса продуктов и овощей. В домах отсутствовала подача горячей воды. Зимой случались аварии на электростанции, и город оставался без света, а значит, и без тепла, – котельные стояли обесточенными.

Милиция во время аварий, в лютый мороз должна была обеспечивать безопасность важных объектов – ведь сигнализация не работала. Нередко нас также собирали по тревоге, когда вахтовка (машина) с людьми застревала на зимнике. По милицейским сводкам я узнавала, что целые семьи замерзали в тундре, пытаясь в метель доехать от одного населённого пункта к другому. Шокировала одна история: в июне от переохлаждения погиб мужчина. После весенней охоты, не желая ссоры с женой, он остался ночевать в лодке, а к утру обнаружили его окоченевшее тело.

Зимой из-за недостаточного отопления кабинета я в тёплых перчатках работала на печатной машинке. А зима в нашем регионе – девять месяцев в году. «Мы поедем, мы помчимся на оленях утром ранним прямо в снежную зарю», – назойливая песенка, которую часто напе-

вал мне Витя. Первой моей покупкой с отпускных была дублёнка и бурки – обувь из шкуры оленей, которую шили коренные малочисленные народы.

Первый год в этом суровом крае я много плакала. «Думала, в сказку попала?» – злилась я на себя. Многие вещи в жизни мне открылись с новой стороны. Снабжение продуктами этого города было очень плохим из-за удалённости. Единственным сообщением с землёй являлись авиаперелёты, доступные единицам. Как тогда принято было говорить, «только администрация может позволить себе летать». И они летали на выходных в Москву – за продуктами.

Мучительно и долго я адаптировалась к новым условиям. Изучила город на своих двоих, запасалась тёплой одеждой. В посылках мама традиционно отправляла мне варежки и носки. От местных узнала, что северянин не тот, кто холода не боится, а тот, кто тепло одевается. Я стала следовать этому совету.

С Витей мы работали вдвоём в отделе дознания, и он постоянно своими советами вмешивался в мои расследования, нередко делая мне замечания в присутствии участников процесса. Мне это не нравилось, мы ссорились из-за преступников – и снова начиналась игра в молчанку. Из дома мы подчас шли в свой кабинет разными дорогами.

Это было трудное для меня время. Мне было одиноко, и некому было обратиться за помощью или пожаловаться. Я начала вести дневник, где пыталась объяснить себе, что этот выбор я сделала сама. Даже маму не спрашивала. Я расписывала ситуации на бумаге, и мне становилось легче. Писала письма маме и с нетерпением ждала ответа.

Это было спасением до тех пор, пока я не узнала, что муж тайком читает мой дневник. Его ревность превращалась в паранойю. Для меня было унизительно, что мне уже негде и выговориться. Это стало невыносимо: в порыве очередной ссоры муж начал мне предъявлять претензии по поводу того, что я писала в своём дневнике. Ни моя мама, никто другой никогда не позволял себе ничего подобного, – по крайней мере, я в это верила.

Быт

Через некоторое время свекровь начала спрашивать, почему я не беременею.

– Ты что, болеешь? Ты не можешь?

Я была в замешательстве и не знала, как отвечать. Сначала я отмалчивалась, потом решила всё-таки сказать, что буду рожать только в своей квартире. Тогда она оскорбилась.

– Мы что, плохие родители?

– Какими бы золотыми вы ни были, я хочу воспитывать ребёнка отдельно, на своей территории.

Всё детство мама повторяла мне: сначала учиться, потом работать, потом жилплощадь, а потом рожать. И не дай бог в подоле принесёшь. Я держалась плана, который был записан мне в костный мозг.

Между нами с мамой Вити пролегла пропасть. Лариса Павловна замолчала, но я снова чувствовала немой упрёк. И теперь каждый раз, когда я приходила пообедать, она спрашивала меня, что я сделала, чтобы получить жильё. У меня и так складывалось ощущение, будто я у неё в неоплатном долгу – её дом, её правила, её еда, её сын, и отказаться от этой заботы, – а вернее, опеки, – было бы неблагодарностью, – а тут ещё и эти издёвки. Иногда мне казалось, что мы ей в тягость и она всерьёз хочет, чтобы мы съехали. В те времена с квадратными метрами было непросто. Многолетние очереди как в мавзолей и непонятные критерии распределения жилья. Как работники с маленьким стажем мы были не у дел, а Витя был выше того, чтобы идти к руководству на поклон.

Как-то раз, когда я села ужинать, Лариса Павловна опять начала старую песню о главном. Я огрызнулась:

– Спросите у Вити!

– А при чём тут Витя? Женщина должна заботиться о крыше над головой. Когда же ты рожать будешь, если вы не чешетесь требовать своё?

– Мы вам мешаем?

– Не мешаете… Пока.

Я не выдержала и ушла в нашу маленькую комнату. Когда супруг вернулся со службы, я выпалила ему, что нам надо срочно искать свой угол. Он спросил, в чём дело, и я выложила как на духу, что его мама каждый день за едой начинает этот разговор и у меня стойкое впечатление, что она не рада с нами жить. Он тут же отправился к ней и потребовал, чтобы она меня не трогала и все вопросы решала с ним. Однако ни к чему хорошему это не привело. Противостояние стало слишком очевидным. Свекровь меня демонстративно игнорировала. Мне не хотелось с ней встречаться, и я приходила со службы ближе к полуночи.

Отец Вити по полгода был в навигации, поэтому был не в курсе происходившего. Он был очень добродушным, трудолюбивым человеком. Мне было легче общаться с ним, чем с Ларисой Павловной, – которая, кстати, постоянно критиковала его за тягу к алкоголю. Ни один праздник не обходился без скандала на тему, что отец скоро сопьётся. Дескать, если бы не жена, он давно бы лежал в могиле, как его мама. Я поняла, что в каждой семье есть свои скелеты в шкафу.

Лариса Павловна вообще вела себя противоречиво. Она была старшей сестрой в их большой семье и как старшая собирала младших сестёр и братьев у себя дома на праздники. Готовила праздничный ужин и, конечно, ставила бутылочку. Но после второго или третьего тоста говорила:

– Так, хватит. Что в пьянку-то превращать.

И начинала метаться по квартире, как раненая рысь, громко возмущаясь, что всем мужикам лишь бы пить. Она всегда как бы имела в виду только мужа: «Какой пример ты подаёшь

сыновьям?!» – но нередко срывалась на всех вокруг, что, мол, они молчаливые «пособники алкоголизма». Кроме того, она демонстративно осуждала алкоголь и всех, кто его употреблял, и эта история повторялась на каждый праздник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.